

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕРМОНТОВѢ.

Часто слышу я рассказы и разспросы о дуэли М. Ю. Лермонтова; не разъ приходилось и мнѣ самой отвѣчать и словесно, и письменно; даже печатно принуждена была опровергать ложное обвиненіе, будто я была причиною дуэли. Но, не смотря на всѣ мои заявленія, многіе до сихъ поръ признають во мнѣ *княжну Мери*.

Каково же было мое удивленіе, когда я прочла въ біографіи Лермонтова въ послѣднемъ изданіи его сочиненій: «Старшая дочь ген. Верзилина Эмилиа кокетничала съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, отдавая преимущество послѣднему, чѣмъ и возбудила въ нихъ ревность, чтó и подало поводъ къ дуэли».

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1841 года М. Ю. Лермонтовъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ и былъ представленъ намъ въ числѣ прочей молодежи. Онъ нисколько не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удовольствіе *me taquiner*¹⁾. Я отдѣльвалась какъ могла то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. По повидимому игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели бъ я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что наконецъ вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно не надолго. Какъ-то разъ ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонку Карась. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари *à discrétion*²⁾, что на обратномъ пути будемъ ѣхать рядомъ со мною, чтó ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ,

¹⁾ Меня дразнить.

²⁾ На что угодно.

онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари.

Въ началѣ Юля Лермонтовъ и комп. устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротъ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премило былъ убранъ шалями и Персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ Персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ; украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебнo-фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки. И странное дѣло! Никому это не мѣшало, и больные даже не жаловались на безпокойство.

Лермонтовъ иногда бывалъ веселъ, болтливъ до шалости; бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ серсо; потомъ все это изображалось въ карриатурахъ, чтó насъ смѣшило. Однажды сестра просила его написать что-нибудь ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили всѣ толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: «пишите!» И написалъ онъ шутку-экспромтъ.

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ перовно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локопъ небрежно
Надъ шейкою вѣжно....
На поясъ пожь.
C'est un vers qui cloche!

За то послѣ нарисовалъ ей же въ альбомъ акварелью Курда. Все это дѣло и теперь у дочери ея.

Лермонтовъ жилъ больше въ Желѣзноводскѣ, но часто пріѣзжалъ въ Пятигорскъ. По Воскресеньямъ бывали собранья въ рестораціи, и вотъ именно 13-го Юля собралось къ намъ нѣсколько дѣвицъ и мужчинъ, и порѣшили не ѣхать въ собранье, а провести вечеръ дома, находя это и пріятнѣе, и веселѣе. Я не говорила и не танцевала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванія. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: «Mlle Émilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la «dernière fois de ma vie» *).—Ну ужъ такъ и быть въ послѣдній разъ,

*) Эмилиа Александровна, прошу васъ на одинъ только кругъ вальса, послѣдній разъ въ моей жизни.

пойдемте.—М. Ю. далъ слово не сердить меня больше, и мы провальсировавъ успѣли мирно разговаривать. Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux⁴⁾. Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злаго особенно не говорили, но смѣшнаго много; но вотъ увидѣли Мартынова разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ кн. Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его *montagnard au grand poignard*⁵⁾ (Мартыновъ носилъ Черкеску и замѣчательной величины кинжалъ). Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово *poignard* раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: «сколько разъ про-силь я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: *языкъ мой врагъ мой*, М. Ю. отвѣчалъ спокойно: «се n'est rien; demain nous serons bons amis⁶⁾». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ. Послѣ ужъ рассказывали мнѣ, что, когда выходили отъ насъ, то въ передней же Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «чтожь, на дуэль «что ли вызовешь меня за это?» Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно «да», и тутъ же назначили день. Всѣ старанія товарищей къ ихъ примиренію оказались напрасными. Дѣйствительно, Лермонтовъ надоѣдалъ Мартынову своими насмѣшками; у него былъ альбомъ, гдѣ Мартыновъ изображенъ былъ во всѣхъ видахъ и позахъ.

15-го Іюля пришли къ намъ утромъ кн. Васильчиковъ и еще кто-то не помню, въ самомъ пасмурномъ видѣ; даже *tata* замѣтила и, не подозрѣвая ничего, допрашивала ихъ, отъ чего они въ такомъ дурномъ настроеніи, какъ вкогда она ихъ не видала. Они тотчасъ замаяли этотъ разговоръ вопросомъ о предстоящемъ князя Голицына балѣ, а такъ какъ никто изъ нихъ приглашенъ не былъ, то просили насъ придти на горку смотрѣть фейерверкъ и позволить имъ явиться туда инкогнито. Жаль было, что лучшихъ танцоровъ и самыхъ интересныхъ кавалеровъ не будетъ на балу, гдѣ предполагалось такъ много удовольствій. Соби-раться въ садъ должны были въ 6 часовъ; но вотъ съ четырехъ на-

⁴⁾ Въ запуски. ⁵⁾ Горецъ съ большимъ кинжаломъ. ⁶⁾ Это ничего; завтра мы будемъ добрыми друзьями.— Лермонтовъ, товарищъ Мартынова еще въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, по нѣсколькимъ днѣмъ живалъ у него въ Желѣзноводскѣ. П. Б.

чинаеть накрапывать мелкій дождь; надѣясь, что онъ пройдетъ, мы принарядились, а дождь все сильнѣй да сильнѣй и разразился ливнемъ съ сильнѣйшей грозой: удары грома повторялись одинъ за другимъ, а раскаты въ горахъ не умолкали. Приходитъ Дмитревскій и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать *этихъ господъ* всѣхъ сюда и устроить свой балъ; не успѣлъ онъ докончить, какъ вбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ (онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Мартыновымъ и Глѣбовымъ) съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «*одинъ на повалъ, другой подъ арестомъ!*» Мы бросились къ нему—что такое, кто на повалъ, гдѣ? *Лермонтовъ убитъ!* Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалось истерика; едва могли ее успокоить. Отъ Дмитревскаго узнали мы подробности, что случилось. Вотъ что онъ намъ сообщилъ.

Когда назначили день, то условились такъ: Лермонтовъ и Столыпинъ выйдутъ верхомъ изъ Желѣзноводска; а Васильчиковъ, Глѣбовъ, Мартыновъ и Трубецкой къ нимъ на встрѣчу изъ Пятигорска. Въ колонкѣ Карась Лермонтовъ и Столыпинъ нашли m-elle Быховецъ и ея больную тетку, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ лѣчиться; вмѣстѣ обѣдали, и Лермонтовъ выпросилъ у Быховецъ bandeau ¹⁾ золотое, которое у нея было на головѣ, съ тѣмъ что на другой же день оно будетъ возвращено ей, ежели не имъ самимъ, то кѣмъ-нибудь изъ его товарищей. Не придавая большаго значенія этимъ словамъ, она дала ему bandeau, которое и нашли у него въ карманѣ, что подало поводъ думать, не была ли причиною дуэли m-elle Быховецъ; конечно скоро въ этомъ разувѣрились, а bandeau было возвращено ей. Выѣхавъ изъ колонки, Лермонтовъ, Столыпинъ и прочіе свернули съ дороги въ лѣсъ, не далеко отъ кладбища, и остановились на первой полянкѣ показавшейся имъ удобной: выбирать было и трудно подъ проливнымъ дождемъ. Первый стрѣлялъ Мартыновъ, а Лермонтовъ будто бы прежде сказалъ секунданту, что стрѣлять не будетъ, и былъ убитъ на повалъ, какъ рассказывалъ намъ Глѣбовъ.

Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого тревоженія, переодѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, то видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ; позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту. Мартынова же, какъ отставнаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ которыхъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Это

¹⁾ Головная повязка, діадема.

говорилъ намъ самъ Мартыновъ впоследствии. Къ 9 часамъ все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. *Дуэль* неслыханная вещь въ Пятигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шопотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухъ и не разбудили бы поэта спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульваръ и музыка два дня не играла.

На другой день, когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ кн. Васильчикова и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого парада. Наконецъ пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ; музыку мгновенно отправили, но за то много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище; гробъ несли товарищи; народу было много, и всѣ шли за гробомъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи. Это меня поражало: вѣдь не всѣ же его знали и не всѣ его любили! Такъ было тихо, что только слышенъ былъ шорохъ сухой травы подъ ногами.

Похоронили и положили небольшой камень съ надписью *Михаилъ*, какъ временный знакъ его могилы (потому что весной 1842 года его увезли, мы были, когда вынули его гробъ, поставили въ свинцовой, помолились и отправили его въ путь). Во время панихиды мы стояли въ другой комнатѣ, гдѣ лежалъ его окровавленный сюртукъ, и никому тогда не пришло въ голову сохранить его. Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ случилось быть въ Тарханахъ и удалось поклониться праху незабвеннаго поэта; надъ могилою его выстроена маленькая часовня, въ ней стоитъ одинъ большой образъ (какого святого, не помню) и *вѣтка палестини*, подаренная ему А. Н. Муравьевымъ, въ ящикѣ подъ стекломъ. Рядомъ съ М. Ю. похоронена и бабушка его Арсеньева. Тарханы опустѣли, и что сталося теперь съ часовней!

Когда Мартынова перевели на гауптвахту, которая была тогда у бульвара, то ему позволено было выходить вечеромъ въ сопровожденіи солдата подышать чистымъ воздухомъ, и вотъ мы однажды, гуляя на бульварѣ, встрѣтили нечаянно Мартынова. Это было уже осенью; его бѣлая черкеска, черный бархатный бешметъ съ малиновой подкладкой произвели на насъ непріятное впечатлѣніе. Я не скоро могла заговорить съ нимъ, а сестра Надя положительно не могла преодолѣть

своего страха (ей тогда было всего 16 лѣтъ). Васильчикову и Глѣбову замѣнили гауптвахту домашнимъ арестомъ, а потомъ и совсѣмъ всѣхъ троихъ освободили; тогда они бывали у насъ каждый день до окончанія слѣдствія и выѣзда изъ Пятигорска. Старательно мы всѣ избѣгали произнести имя Лермонтова, чтобы не возбудить въ Мартыновѣ непріятнаго воспоминанія о горестномъ событіи.

Глѣбовъ предложилъ мнѣ карандашикъ въ камышинкѣ, который Лермонтовъ постоянно имѣлъ при себѣ, записывалъ и рисовалъ имъ что приходилось, и я храню его въ память о поэтѣ, твореніями котораго я всегда восторгалась. Глѣбовъ рассказывалъ мнѣ, какіе мучительные часы провелъ онъ, оставшись одинъ въ лѣсу, сидя на травѣ подъ проливнымъ дождемъ. Голова убитаго поэта покоилась у него на колѣняхъ—темно, кони привязанные ржать, рвутся, бьютъ копытами о землю, молнія и громъ непрерывно; необъяснимо страшно стало! И Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить голову на шинель, но при этомъ движеніи Лермонтовъ судорожно зѣвнулъ. Глѣбовъ остался недвижимъ и такъ пробылъ, пока пріѣхали дрожки, на которыхъ и привезли бѣднаго Лермонтова на его квартиру.

Не знаю, насколько займетъ читающую публику мое воспоминаніе давно минувшаго; но я сказала все что было въ продолженіе двухмѣсячнаго моего знакомства съ Лермонтовымъ. Надѣюсь, что наконецъ перестанутъ видѣть во мнѣ княжну Мери и, главное, опровергнуть несправедливое обвиненіе за дуэль.

Эмилія Шанъ-Гирей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Замѣчательно, что слишкомъ 900 лѣтъ тому назадъ, въ семьѣ перваго изъ православныхъ Россійскихъ великихъ князей, Владимира «красное солнышко», въ послѣдніе годы языческаго періода его жизни, была княгиня Славянскаго происхожденія, одинаковаго (по своему значенію) имени съ высоконареченною невѣстою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича. Это—*Милолика*, изъ Болгарскихъ княженъ, мать святыхъ князей Бориса и Глѣба.

А. Л—ъ.

ПОПРАВКИ.

На оберткѣ 5-й книжки „Русскаго Архива“ сего года по ошибкѣ напечатано: сообщено *Н. П. Барсуковымъ*. Слѣдуетъ читать: *И. П. Барсуковымъ*.

*

Стр. 581 строка 25. Родственники Севарземидзева Гурашевъ и Мазябеловъ. Дѣйствительныя фамилія этихъ лицъ Гурамовъ и Мачабеловъ.

Стр. 589. Упоминается о лицѣ, носившемъ названіе Вальки-Каяна; фамилія его не *Кургановъ*, а *Коргановъ*. Я засталъ въ Тифлисѣ трехъ его сыновей. Внука его Теріанцъ-Корганова пѣла въ настоящемъ году на Петербургской сценѣ.

602, стр. 6 снизу. Дорога шла по рѣкѣ Джилкѣ близъ Джелалъ-оглу. Такой рѣки нѣтъ, а есть рѣка Джигла.

Н. Палибинъ.